

На греко-римский мир, оказавший решающее воздействие на формирование европейской культуры, сильное влияние имела египетская цивилизация. Тип потребления психоактивных веществ здесь в общем и целом был сходен с шумеро-вавилонским. Изучение египетской истории культуры европейскими учеными активно идет со времен экспедиции Наполеона. Опираясь на достижения отечественных (В.Афанасьева, В.Д.Жигунина, И.П.Ермолаев, А.Л.Коцейковский, В.Луконин, М.Э.Матье, Н.А.Померанцева, и многие другие) и зарубежных (Й.Бергман, Э.Бикерман, Р.Вейнхольд, С.Вениг, К.Жак, Ю.Заблоцка, Д.Кранах, Я.Липинская, М.Марциняк, П.Монтэ, М.Хааг и другие) ученых можно реконструировать генезис проалкогольных традиций в стране пирамид. После выхода египтян из первобытного состояния, характеризовавшегося крайне ограниченным, эпизодическим потреблением психоактивных веществ [подробнее см. 1], в долине Нила начинает развиваться виноделие. В Египте при I и II династиях процветало виноградарство. Об этом свидетельствуют винные сосуды, которые были обнаружены археологами в цельном виде или в обломках. Показательны захоронения II династии (ок. 2890 – 2686 гг. до н.э.): «многие из найденных в этих гробницах сосудов некогда содержали в себе вино» [2, 8]. Судя по печатям на глиняных пробках сосудов, местом процветания виноградарства, как и в последующие времена, был Нижний Египет» [3]. Уже фараоны I-III династий имели собственные винные хозяйства для обеспечения вином своего двора. Винное хозяйство фараона Джоссера было известно значительно позже срока его правления [4]. Кроме собственного производства, источником получения фараоном алкогольных изделий были налоги. При Рамзесе III ежегодно с населения собиралось 28080 различных сосудов напитка-шедех, вина [5, 108]. Алкогольные изделия захватывались и в качестве военной добычи. Видимо, таким образом добытое спиртное было эмоционально очень значимым. Просто смаковал сам факт такого захвата добычи фараон Камос: «О, азиат мерзопакостный! Смотри, я пью вино твоих садов, отжатое для меня азиатами, из того, что я захватил» [6, 61]. Скорее всего, физического акта потребления трофейного вина Камос и не совершал. Ему был важен сам питейный поступок: получение возможности распорядиться вином врага по своему усмотрению и лишение такой возможности распоряжения «мерзопакостного азиата». Официально фараонам было запрещено потреблять вино, но они часто находили в жизни возможность избежать этот запрет [7]. Потребление пива не подвергалось и формальным ограничениям. «Насыщайся своим хлебом и своим пивом» - поучал гераклеопольский царь своего наследника [9]. Но личное потребление и потребление своей семьей алкогольных изделий составляло меньшую часть расходов фараонов вина и пива. Хмельными изделиями снабжались две наиболее мощные, организованные структуры древнеегипетского общества: жречество и вооруженные силы. За годы своего правления Рамзес III подарил храмам 228380 сосудов напитка-

шедех, вина и 468303 сосуда пива [5]. Вино входило в паек египетских воинов [Геродот. История. II, 168] и, видимо, являлось одним из эффективных средств стабилизации режима. Например, войско восхваляет фараона Мериамона-Пианхи: «Упали они на животы свои перед его величеством, восклицая: «Имя твое, придает оно нам силу!...Твое пиво утоляет нашу жажду» [10]. Потребление алкогольных изделий отражало социальную стратификацию общества. Нарушение социального ранжирования в алкоголепотреблении рассматривалось как один из признаков распада социума. В «Речениях Ипусера» в отчаянии восклицает потрясенный египтянин: «Смотрите: владелец богатства проводит ночь [теперь], страдая от жажды. Тот, который выпрашивал осадок [напитков], теперь собственник кувшинов, кидающий их наземь» [11]. В Древнем Междуречье существовало воспоминание о роли женщины в распространении виноградной лозы – у шумеров покровительницей лозы была богиня Гестин (Gestin). «А в Египте, напротив, насколько может быть прослежена традиция, в данной сфере господствовал мужской принцип. Повелителем вина и наводнений Нила выступает в раннем Египте и в период Древнего царства Осирис» [8, 9]. В «Сказании об истреблении согрешивших людей», обнаруженном на стенах гробниц Сети I и Рамсеса III, а также на втором футляре Тутанхамона, представлена другая картина [12]. Богиня Хатор-Тэфнут на празднике плодородия называется богиней вина и изобилия, «владычицей опьянения», а один из ее спутников, приведший ее в Египет, - бог Тот – «владыкой вина», «владыкой опьянения и радости» [Цит. по 12, 49]. Красивые, привлекательные образы оснастили алкоголепотребление в стране пирамид. Согласно «Папирусу Жомильяк», «виноград – это зрачки Ока Хора, а вино, которое из него делают, - это слезы Хора» [Цит.по 13, 161]. «Папирус Харрис»: «Река – вино. Бог Пта – ее тростник, Растений водяных листья – богиня Сехмет...»[Цит.по14, 40]. Ритуальный характер потребления вина превалировал над бытовым. По крайней мере, Геродоту, когда он описывал пышный религиозный праздник в Бубастисе, показалось вероятным следующее сообщение: «на этом празднике выпивают виноградного вина больше, чем за весь остальной год» [Геродот. История. II, 60]. Конечно, вино не было главным и, тем более, единственным алкогольным изделием в Египте. Кроме того, описывая быт жителей страны пирамид, Геродот порой воспроизводил не личные наблюдения, а существовавшие представления. Но тем более показательна самооценка «гидов» Геродота. А если это было своеобразной гордостью, стремлением выпятить «диговинку», способную привлечь внимание заезжего путешественника, то мы видим своеобразный ориентир в ценностях наиболее социально активных и значимых людей той эпохи. Алкогольные изделия действительно использовались в богослужении. В Текстах пирамид [15] (древнейших религиозных текстах, обнаруженных внутри пяти пирамид конца V – VI династии) упоминаются различные сорта пива и вина. Для возлияний используются: пиво светлое (гл. 43), медное (гл. 56), темное (гл.

43), черное (гл. 49, 55), нубийское (гл. 148) и «прекрасное» (гл. 90); вино белое (гл. 47, 54), темное (гл. 48), северное (гл. 185), бутское (гл. 153, 154), мареотическое (гл. 153, 156), сиэнское (гл. 153, 157) и «пенящееся» (гл. 158). Так описывает источник жертвоприношения Эхнатона богу Атону: «Земля была в ликовании и все сердца радовались, когда царь принес великое приношение своему отцу – приношение пива, хлеба, мяса, длиннорогих и короткорогих быков, птицы, вина, фруктов, благовоний, воды, овощей» [16]. Как и Вавилоне, в Египте свершилась поэтизация процесса изготовления алкогольных изделий, как, например, в «Слове о сборе винограда»: «Ягоды, соком обильнее прежнего, Сердце твое услаждать предназначены. Ты в опьянение себе не отказывай, Пей, предавайся утехам и радостям!... Пей, господин, божеству в прославление. Всякое благо богами даровано. Доброму духу, садов покровителю, Ты соверши возлияние и вымоли В новом году нам вина изобилие» [17]. Сбор винограда зафиксировала и живопись. На росписи гробницы Нахт в Фивах (ок. 1422-1411 гг. до н.э.) лоза, прогибающаяся под тяжестью больших гроздьев, окружает сборщиков подобно небесному своду или радуге [18, илл. 114]. Процесс изготовления алкогольных изделий так же нашел свое отражение в изобразительном искусстве. Например, в эпоху Древнего царства, при VI династии (вторая половина III тыс. до н.э.) была создана раскрашенная статуэтка «Женщина, готовящая пиво» [19]. Синухе, хрестоматийный образ литературы Древнего Египта, так описывал расположение к себе своего нового владыки: «Дал он мне выбрать землю в стране своей – лучшую, в том краю, что лежала на границе с другой страной; это красная земля, имя ей – Иаа. Там и виноград, и вина было больше, чем воды...» [17, 41]. Процветающий регион – это такой регион, где вина больше, чем воды. Не отсюда ли позаимствуют образ для своей картины мира древние иудеи, ознакомившись с египетской мифологией за время своего долгого пленения? По представлениям египтян, алкогольные изделия играли большую роль и в загробной жизни. Бог зерна Непри «помогал умершим выйти из гробниц, чтобы они могли отправиться в царство мертвых, кормил их и поил пивом» [13]. Типично выглядит в Древнем Египте такая запись о дароприношениях: «Тысяча хлебов и кувшинов с пивом и остальная хорошая и свежая еда для Ка усопшего» [цит. по 20, 74]. На росписях гробниц эпохи Нового царства сцены жертвенных пиров становятся одним из трех основных циклов, иллюстрирующих «Книгу мертвых» [21]. Алкогольные образы многократно встречаются в любовной лирике Древнего Египта. Например, алкогольный ритуал на природе выглядит так: Говорит гранатник: «Под моим шатром чета влюбленных, Умощенных маслом и бальзамом, От вина и браги охмелев, В знойный день приют себе находит» [17]. Говорит смоковница: «Сами наслаждаясь опьянением, Мне вина не жертвуют ни капли» [17]. Еще более эффектно объясняются в любви другие персонажи древнеегипетской литературы: «Любовь к тебе вошла мне в плоть и в кровь И с ними, как вино с

водой, смешалась...» [17]. Бурная страсть также вызывает алкогольные ассоциации: «Я не могу сдержать мою лошадь, В ее теле - буря. Но я еще могу править, Лежа поверженный в колеснице. Госпожа моя отплывает в страну опьянения, На остров из чистейшего золота. Не жертвуй Мехи во имя любви, Скажи, что мы пробудем там целый день» [17]. Восторги любви, как мы видим, сравниваются древнеегипетскими поэтами с опьянением. Однако в ряде текстов четко прослеживается мысль, что наиболее сильный эйфорический эффект достигается без алкоголя. «Мне голос твой что сладкое вино. Я им жива. Еды с питьем нужнее мне Твой взгляд» [17]. Аналогичное представление отражено в двух следующих фрагментах: «Предчувствие встречи с тобой Пьянее вина» [17]. «Когда от поцелуя моего, Помедлив, разомкнутся Ее уста - Я опьянен без хмеля» [17]. В общественной мысли Египта, как и ранее в Междуречье, смутно просматривалась идея о том, что опьянение чем-то подобно смерти: «Мне смерть представляется ныне Лотоса благоуханьем, Безмятежностью на берегу опьянения» [17]. «Любитель хмельного питья Удалился в Страну без воды» [17]. Ведь и сам бог повелитель вина – Осирис – был богом умирающим и воскресающим. При фараоне Рамсесе II (XIX династия) составлен календарь счастливых и несчастливых дней (так называемый «папирус Салье IV»). Он ярко отразил размах издержек хмельного поведения, в частности, распространенности смертей от алкогольной интоксикации: «День шестой месяца Паофи...Всякий рожденный в этот день умрет от опьянения» [Цит. по 13, 188]. Год в древнеегипетском календаре считался равным 365 суткам (то есть, примерно, на четверть суток меньше тропического года) [см. 22, 74, а также 23, 35]. Следовательно, если принять за примерную равную вероятность рождения египтянина в каждый из дней года, и предположить примерно равную возрастную структуру для разных регионов, то общественным мнением воспринималось как норма, если в населенном пункте в несколько сот человек от опоя умирало по человеку. Исключительно ценное свидетельство о контекстах алкоголепотребления оставил «Отец истории»: «На пиршествах у людей богатых после угощения один человек обносит кругом деревянное изображение покойника, лежащего в гробу... Каждому сотрапезнику показывают эту фигуру со словами: «Смотри на него, пей и наслаждайся жизнью. После смерти ведь ты будешь таким!» [Геродот. История. II, 78]. Зафиксировал Геродот отдельный факт, на который обращали внимание туристов, или регулярную застольную практику – сказать сегодня трудно. Однако сама идея о наслаждении вином ввиду неизбежной смерти была в Египте достаточно популярна вплоть до римских времен. Издержки алкоголепотребления - настолько распространенное явление, что изображение блюющих египтян и даже египтянок регулярно обнаруживают в росписях гробниц и пирамид [4]. Так, на стене гробницы из западных Фив (XX династия, около 1300-1200 гг.) совсем не эстетическая по нынешним понятиям сцена: блюющая госпожа сидит,

повернувшись вправо, служанка стоит в почтительном полупоклоне и подает одной рукой сосуд, другой хочет поддержать голову госпожи. Струя из уст египтянки извергается вниз [25]. В эпоху Нового царства (XVIII династия) живописцы зафиксировали следующую сценку: «Слуги пытаются разбудить своего товарища, уснувшего в погребке от избытка выпитого вина и утверждающего тем не менее, что ни на миг не засыпал» [19]. Таковы были первоэлементы «проалкогольного юмора», получившего столь широкое распространение в современной культуре. Массового потребления алкоголя без негативных последствий не бывает. Соответственно, находились и египтяне, резко критиковавшие издержки алкоголепотребления в форме поучений: «Говорят мне, что ты бросил писание и закружился в удовольствиях. Ты ходишь с улицы на улицу, [и исходит] запах пива [от тебя], куда бы ты ни пошел. От пива он перестает быть человеком. Оно заставляет тебя блуждать, ты подобен кривому рулевому веслу судна, которое не слушается ни в одну сторону, ты подобен святилищу без бога его, ты подобен дому без хлеба. Ты обнаружен переползающим через стену, после того как ты разбил колодки, [надетые на тебя], и люди бегут от тебя, после того, как ты нанес им ранения. О, если бы знал ты, как вино отвратно, ты отрекся бы от [напитка] шедеха, ты не помещал бы кружку пива в сердце свое, ты забыл бы [опьяняющий напиток] тенерек» [25]. Однако не следует преувеличивать степень алкогольных проблем Древнего Египта, как и других стран Древнего Востока. Острота данных проблем была несопоставима с современной ситуацией. Как подчеркивает современный французский ученый: «Кинематограф был особенно несправедлив к генералу Хоремхебу, которого превратил в неотесанного солдафона и пьяницу. Трудно представить себе более грубое искажение реальности!» [16]. В действительности, «Хоремхем ... был царем, который вывел страну из кризиса, связанного с реформой Эхнатона и царствованием его непосредственных преемников» [26]. Древним египтянам также были известны психоактивные вещества, которые ныне относят к нелегальным наркотикам: «Чтобы расширить зрачки и придать блеск глазам, древние египтянки капали в них сок из растения «сонная одурь», затем получившее название белладонны» [3]. Во времена XVIII династии египтяне импортировали из Палестины опиум (*paraversomniferum*). Новейшие исследования допускают возможность, что египтянами в качестве опьяняющего средства использовался лотос (*nymphaeaerulea*) [4]. С острыми проблемами, связанными с зависимостью от лотоса, столкнется позже Одиссей, о чем поведал Гомер [Homer. Od., IX, 91-102]. Общественной мыслью Древнего Египта был задан из ключевых вопросов о модели одурманенного поведения как такового: «Не желает ли Истина В сердце своем опьянения?» [17, 97]. Так безызвестный египтянин установил развилку спора, одна тропа которой привела к известной средневековой (но отнюдь не римской!) фразе «In vino veritas», а другая - к чеканной гетевской формулировке: «Вино – злейший тиран; в нем

слились воедино лжец, лицемер и насильник» [27]. Итак, к концу самостоятельного функционирования Египта как отдельного государства сложившаяся в нем культура была однозначно проалкогольной, безалкогольных практик как существенных элементов образа жизни, а также оправдывающих их идейных систем, установлено в ходе данного исследования не было. Покровителями алкогольных изделий были высшие существа древнеегипетского пантеона (Осирис). Алкоголь потребляли наиболее сильные социальные слои (армия и жречество); мужчины и женщины были приобщены к алкоголю в равной мере. Критика издержек алкоголепотребления не сопровождалась выдвижением безалкогольной альтернативы. Образ жизни древних египтян мог оказать влияние на европейское потребление, и, следовательно, на отношение россиян к алкоголю, только косвенно, через эллинистический Египет. К тому моменту, когда Европе и России стали широко известны произведения литературы и искусства страны пирамид (первая треть XIX века), проалкогольная культура Европы и ее ядро (проалкогольное культурное поле) были вполне сложившимися. Дополнительным фактором, отсекавшим на много столетий Европу и Россию от алкогольных традиций Древнего Египта, стала арабо-мусульманская культура, сдержанно относящаяся к алкоголю. Показателен альбом великолепных фотографий, посвященный Египту, распространяемый в качестве бесплатного приложения к декабрьскому номеру журналу «GEO» за текущий 2011 год [28]. Смысловым ядром альбома являются самые привлекательные для туристов объекты – наследие Древнего Египта. В альбоме прекрасно представлены древние архитектура, скульптура, живопись, но из него совершенно нельзя получить информации об отношении древних египтян к виноделию. Между древнеегипетскими и нынешними алкогольными обычаями прямой преемственности не наблюдается. Данное обстоятельство резко отличается от сферы мелкой пластики (статуэтки-сувениры), украшений (например, с образом Нефертити на дамских кулонах) и архитектуры (пирамида стала прообразом многих ультрасовременных зданий от Парижа до Казани). Слабость антиалкогольной традиции в изучаемый период не предоставляет больших возможностей по использованию достижений древнеегипетской культуры в профилактических антинаркотических целях. В то же время, изучение алкогольных тенденций Древнего Египта является необходимым условием для понимания повседневного образа жизни в античном мире, что предполагается автором рассмотреть в дальнейшем.